

1. "Сатиры в прозе" Н. Щедрина
2. "Невинные рассказы" Н. Щедрина

Д. И. Писарев. Литературная критика в трех томах. Том первый
Статьи 1859-1864 гг.

Л., "Художественная литература", 1981

Составление, вступительная статья, подготовка текста и примечания Ю. С. Сорокина

OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

I

Плохо приходится в наше время поэтам; кредит их быстро понижается; бесчувственные критики и бездушные свистуны {1} подрывают в публике всякое уважение к великим тайнам бессознательного творчества. Прежде говорили о вдохновении поэта, прежде поэта считали любимцем богов и интимным собеседником муз; хотя эти мифологические метафоры грешно было принимать буквально, однакож за этими метафорами постоянно чувствовалось что-то хорошее и таинственное, неуловимое и непостижимое, что-то такое, что нашему брату-вахлаку должно оставаться навсегда недоступным; об этом нашему брату позволялось узнавать только по неясным рассказам художников, которые, "как боги, входят в Зевесовы чертоги", где им показывают весьма интересные и часто нескромные картинки. Теперь все это переменилось; наш брат-вахлак большую силу забрал и обо всем рассуждать берется; и вдохновения не признает и в Зевесовы чертоги не желает забираться, несмотря на то, что поэт весьма наглядно рассказывает, как в этих чертогах показывали одному художнику в "вечных идеалах" "волнистость спинки белой" и вообще разные такие вещи, которые "божество открывает смертным в долях малых" {Эти сведения о Зевесовых чертогах и о тамошних картинках с буквальной верностью заимствованы мною из стихотворения г. Майкова "Анакреон скульптору" {2}.}. Все это наш брат отрицает с свойственною ему грубостью чувств и дерзостью выражений; это, говорит, всё цветы фантазии; а вы нам вот что скажите: какова у поэта сила ума? и широко ли его развитие? и основательно ли его образование? - Ну, что ж это за вопросы? Уместны ли они? Деликатны ли они? Позволительно ли ставить перед собою любимца богов и допрашивать его, как провинившегося гимназиста? Когда уже дело дошло до таких неслыханных вопросов, когда утрачена вера в божественность вдохновения, когда журналы находят более интересным держать корреспондентов в Париже или в Лондоне, в Саратове или в Иркутске, чем на Парнасе или в чертогах Зевеса, тогда, конечно, мирному поэту остается только повесить свою голубушку-лиру на гвоздик и поступить на действительную службу или обратиться к мрачным заботам сельского хозяйства {3}. Если так пойдет дальше, то наступит со временем драматическая минута, когда последний поэт бросится на шею к последнему эстетике и, рыдая, скажет ему: "Друг мой, мы с тобою одни. Мир прокис и развратился. Микроскоп и скальпель не дают нам покоя. Если мы не спрячемся или не притворимся натуралистами, то нас с тобою могут посадить заживо в спирт, чтобы сохранить в полной целости последние экземпляры исчезнувшей породы, имевшей удивительное внешнее сходство с человеком. Друг мой, когда мы умрем, тогда последняя калитка, ведущая в Зевесовы чертоги, будет заколочена и наглухо заложена - не кирпичами, а всеми нераспроданными экземплярами моих стихотворений и всеми неразрезанными листами твоих критических статей". - "Ну, - скажет эстетик, - если так, то все кончено. Калитка навсегда сделается неприступною! Сквозь мою критику и твою поэзию ни человек не пролезет, ни зверь не проскочит". И, обнявшись весьма крепко, как обнимаются люди на могиле всего, что им дорого, наши последние могиканы во весь дух побегут в лавку покупать себе микроскоп и химические реторты, как маскарадные принадлежности, долженствующие спасти их от преждевременного и непроизвольного погружения в спирт. История переродившихся экземпляров исчезнувшей породы кончится тем, что оба, эстетик и поэт, женятся а la face du soleil et de la nature {Буквально: перед лицом солнца и природы (фр); здесь в смысле: вступят в свободный брак. - Ред.} на двух девушках, занимающихся медицинскою практикою и приводивших в былое время своих теперешних поклонников в совершенный ужас своим непостижимосилидным